

СЕГОДНЯ — 90 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ф. И. ШАЛЯПИНА.

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Осип Черный — представитель старшего поколения советских литераторов. Проблемы искусства издавна привлекают внимание писателя, который в молодости окончил консерваторию и в течение ряда лет являлся профессиональным музыкантом.

Перу Осипа Черного принадлежат романы «Музыканты», «Опера Снегина», «Пути творчества», «Пути жизни», повести «Мусоргский», «Римский-Корсаков», «Франц Шуберт» и другие произведения.

Больше всего, пожалуй, в биографии Шаляпина поражают сочность и яркость красок, какими был написан портрет его жизни. И не только в ту пору, когда слава певца стала достоянием мира, а имя его сделалось олицетворением вокального совершенства и гениальной артистичности. Если взглянуть в истоки шаляпинской биографии, то и там в глаза бросается необыкновенная яркость жизненных впечатлений и бьющая через край радость существования.

...Суконная слобода под Казанью, на Волге, нужна беспробудная: отец, глушущий при помощи водки свои горести. Гдетутискать радостей, если в семье, да и во округ, царит нищета, и по каждому поводу в ход пускаются кулаки! Но, вопреки всему, вспоминая детские годы, Шаляпин писал: «Мне все-таки жилось хорошо. У меня было много товарищей. Мы ловко ходили колесом, лазали по крышам и деревьям, делали самострелы, пускали воздушных змеев. Мы ходили по огородам... воровали репу, огурцы; шлелись по гумнам, по оврагам — везде было интересно, всюду жизнь открывала мне маленькие тайны, поучая меня любить и понимать живое».

Много лет спустя глубину и силу перевоплощения, какие были присущи артисту Шаляпину, все признали гениальными. А не была ли гениальной способностью поглощения, какою он был наделен от рождения, его неутомимая потребность жадно впитывать в себя все яркое и живое?

Способность расцвечивать все, украшать и делать радостным присуща была Шаляпину всю жизнь. Что же удивительного в том, что и пение свое он сумел впоследствии сделать источником радости не только для других, но и для себя самого!

Однажды, став известным, ощутив упоительный аромат славы, Шаляпин попал на вечер к писателю Николаю Телешову. По средам у него собирались драматур-

ги, артисты, собраты по перу. На этот раз был, вспоминает Телешов, и приехавший в Москву Максим Горький, которого Шаляпин нежно любил и для которого петь был готов сколько угодно.

«Шаляпин, как только вошел, сейчас же заявил нам полшутливо: «Братцы, петь дочего хочется!».

Он тут же позвонил по телефону и вызвал композитора Рахманинова и ему тоже сказал:

— Сережа! Возьми лихача и скажи на «среду». Петь до смерти хочется. Будем петь всю ночь!

Когда Рахманинов приехал, Шаляпин не дал ему даже чаю напиться: усадил за инструмент и — «началось нечто удивительное... На него нашло вдохновение. Никогда и нигде не был он так обаятелен и прекрасен, как в этот вечер».

В сущности, Шаляпин ни у кого пению не учился. Тифлисский педагог Усатов за какой-нибудь год обучил его приемам вокального мастерства. Усатов, в прошлом отличный певец, выступавший в Московском Большом театре, понимал в этом толк. Но дело заключалось и в том, что голос у Шаляпина был, что называется поставленный от природы. Надо было только обуздать его, научить разумно пользоваться его дарами, раскрыть все скрытые в нем возможности.

ОСИП ЧЕРНЫЙ,

писатель

Бездомная жизнь, тяжелый труд, голод — ничто не в силах было убить в Шаляпине веру в собственные силы. Незаметный хорист, которому изредка поручают небольшие сольные партии, участник бродячих трупп, распадавшихся то и дело, кочующий то с одной, то с другой из них — из Казани в Уфу, затем в Бузулук, Оренбург, Уральск, в Среднюю Азию и далее в Баку и Тифлис, — Шаляпина охватывают по временам приступы отчаяния, и он даже помышляет о самоубийстве. Но неистребимая вера в чудо жизни всегда берет верх. Да и как ей иссякнуть при таком огромном врожденном таланте!

Но способен ли один лишь талант формировать облик артиста?

Одна сторона будущей артистической зрелости связана с искусством наблюдения и поглощения. Шаляпин вбирал в себя все увиденное с жадностью необыкновенной. Богатство характеров, типов, пытливые отношения к тому, как в разных жизненных положениях ведут себя люди, — вот та школа, которую проходил молодой певец. Разве можно было бы с таким совершенством сыграть Варлаама в опере «Борис Годунов» Мусоргского, если бы в долгих странствиях по Руси не обозначился для него этот тип бездомного странника,

пьянчужки, хитрого, все повидавшего попарасстриги? Разве поражающие зрителей тонкие и точнейшие черточки, которые внес Шаляпин в образ Варлаама, жесты, мимика, интонация — разве не откладывалось это мало-помалу в его сознании, покамест он скитался по стране?..

Да и сам Борис Годунов, — роль которого исполнил Шаляпин впоследствии, — властитель, мечтавший о добре для народа и снедаемый мыслью о собственном преступлении, разве этот сложный трагический образ не складывался из сотен наблюдений, которые делал на своем пути певец?

Шаляпин обладал даром гениального проникновения в душу героев; обогащая свой жизненный опыт, он сумел стать тончайшим психологом. Но психологическая правда вовсе не была неожиданной для русской сцены. На Западе многие представляют себе Шаляпина как некое чудо, загадку искусства, феномен жизни. Так ли это?

«Его занимали все сцены — и те, в которых он был основным участником действия, и те, где ему отводилось скромное, малоприметное место. И, наконец, даже такие, в которых он не участвовал вовсе». К кому относятся эти слова? К великому истолкователю души, мастеру рельефнейших портретов, Шаляпину?

Нет, к предшественнику его, выступавшему на Марининской сцене в тех же ролях, что и Шаляпин

позже, — замечательному певцу Федору Стравинскому.

Шаляпин, который после года занятий с Усатовым попал сначала в частную труппу Лендовского, а затем на казенную сцену в столице, не мог, при его впечатлительности и пылкости, остаться безразличным к искусству Стравинского. А позже, перейдя в Московскую частную оперу, где создатель ее, Мамонтов, сплотил первоклассных художников, декораторов, постановщиков и певцов, Шаляпин с упоением стал осмысливать для себя законы сценической жизни. Но и Малый театр, где в ту пору играли такие артисты, как Федотова и Садовские, представлял собой тоже школу психологического реализма.

— И как это вы, Ольга Осиповна, — спросил однажды, робев, Шаляпин у Садовской, — можете так играть?!

— А я не играю, — ответила та.

— Да как же не играете?!

— Да так. Вот я выхожу и говорю. Так же я и дома разговариваю. Какая я там, батюшка, актриса! Я со всеми так разговариваю.

А в Петербурге? Разве не Варлаамов и Давыдов, Стрельская и Савина, эти бесподобные мастера русской драмы, продолжили школу, которую назначил себе пройти быстро формировавшийся богатырь? Кроме того, не следует забывать, что первым наставником Шаляпина в Петербурге стал замечательный русский трагик Мамонт Дальский.

Итак, школа была огромная, богатая, многообразная. Но мало было постигнуть ее. Надо было найти то свое, что в душе большого артиста неудержимо рвется наружу и мучительно ищет выхода.

Федор Шаляпин работал не только настойчиво, но иступленно. В упорстве поисков он порой доходил до отчаяния и тяжких сомнений. Сколько раз приходилось его другу и душевному попечителю Максиму Горькому приводить в равновесие эти мятущиеся силы, чтобы вернуть радостную веру в себя! Обладая гениальным

даром, надо было еще обладать демонической страстью неудовлетворенности, чтобы стать тем Шаляпиным, который потряс позже весь мир.

Вот почему позже, ощутив все могущество достигнутого и завоеванного, он считал себя вправе учить других и требовать от партнеров такого же совершенства и такого же беззаветного отношения к искусству. В своих требованиях Шаляпин был неумолим. Он знал, что театр — это единое целое, где каждая частица должна быть отшлифована идеально и все подчиняется цельному замыслу. Тут все было в нем сродни идеям, которые выдвинул великий реформатор сцены Константин Станиславский.

Простой русский паренек из слободы, проживший двадцать лет с лишком в нищете и темноте, поднялся до недостижимых высот артистизма, стал великим певцом земли русской. Как тут не вспомнить другого волжанина, титана из той же гвардии русских художников Максима Горького!

Тот и другой прошли путь от «дна» жизни до ее вершин, до огромных художественно-психологических обобщений.

Тот и другой являются художниками особой российской складки — с необычайной душевной широтой, емкостью, масштабностью и жизнелюбием. Выйдя из недр народа, они обогатили духовно свой народ, а тем самым и все человечество, которое всегда будет благодарно им за это.

(АПН).

Шаляпин у конармейцев

Одна из страниц жизни замечательного певца связана и с нашим городом.

...Ожесточенная гражданская война на Дону подошла к концу. В январе 1920 года 1-я Конная армия освободила город от белогвардейцев.

В вагоне С. М. Буденного собрались участники боев — отметить победу. Здесь же были Демьян Бедный и Федор Иванович Шаляпин.

С интересом всматривался Федор Иванович в лица полководцев, чьи боевые дела приводили в трепет врагов революции, слушал их рассказы о легендарных походах через Дон и Кубань на Кавказ, о последних боях на Дону, о взятии Ростова.

В разгар торжества Ф. И. Шаляпин спел несколько популярных народных песен, затем изъявил желание послушать «оркестр Буденного», как шутили его называли (две гармони и кларнет). Когда оркестр играл «Марш Буденного» композитора Покрысина, все присутствующие невольно обратили внимание: Федор Иванович весь так и двигался в такт музыке. А когда одним из музыкантов пел написанный к маршу текст, Шаляпин весь насторожился и стал шевелить губами, повторяя слова марша...

Надолго запомнился участникам встречи этот вечер у командарма.

С. ШПИЛЕВАЯ, Л. ПОПОВА.

«ВЕЧЕРНИЙ РОСТОВ»

13 февраля 3 стр. 1963 г.